

ГЕНДЕРНІ ДОСЛІДЖЕННЯ

Всеволод Кузнецов (Винница)

ПОД ИГОМ ЖЕНЩИНЫ: ПРОСВЕЩЕНЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА ВЛАСТИ ПРИРОДЫ И ВЛАСТИ НАД ПРИРОДОЙ

В данной статье речь пойдет о Просвещении как определенном модусе европейского восприятия мира. Вероятно, означенный модус произведен от каких-то сущностных, константных особенностей европейской ментальности, поскольку сам является константой для Европейского культурного региона. Его присутствие ощутимо в культуре Европы от античности до наших дней (избранный подход не нов: достаточно вспомнить опус Петера Слотердайка «Критика циничного разума» [8]).

Но как же тогда оценить Век Просвещения? Век Просвещения был эпохой, когда просвещенческий модус наиболее полно выразил себя. Поэтому Просвещение XVIII века быстро приобрело статус эталона, с которым можно и должно сравнивать все прочие образчики просвещенчества. Роль эталона отведена XVIII веку и в этой работе (вообще-то правы те, кто растягивает Век Просвещения на XVII-XVIII столетия, поскольку классическая просвещенческая парадигма в основном сформировалась именно в XVII в., а XVIII в. только отшлифовал ее и попытался претворить в жизнь, но это всего лишь статья, и я обойдусь одним XVIII в.).

Итак, Просвещение... Эталонный XVIII век... Одним из его существеннейших признаков всегда называют захваченность просвещенного разума идеей тотальной власти Природы (именно так: с большой буквы - Природы!), преклонение человека перед этой властью. Однако порой означенные захваченность и преклонение выглядят настолько неприродно, неестественно, что невольно закрадывается мысль: тут нечто припрятано. Припрятано, надо сказать, не очень надежно. При ближайшем рассмотрении сокрытая тайна оказывается секретом Полишинеля. Ведь не новость, что просвещенный разум мечтает в гордыне своей о власти над миром (о покорении Природы рассуждал еще стоявший у истоков процесса становления классической просвещенческой парадигмы Ф. Бэкон). Такое господство даже кажется легко достижимым. Просвещенцы лелеют иллюзию, будто вселенная проста и одинакова во всех своих частях (если оглянуться на XVII в., то у Спинозы прочтем: «[...] природа всегда и везде остается одной и той же; ее сила и могущество

действия, т.е. законы и правила природы, по которым все происходит и изменяется из одних форм в другие, везде и всегда одни и те же [...]» [9, с. 424]), будто после открытия принципов классической механики законы естества в основном познаны и дело за малым - обратить знание в практическое действие и реализовать свою волю к власти. Поэтому сквозь льстивые восторги, адресованные Владычице Природе, частенько прорывается злорадненькое «Ну, погоди!». Этим «Ну, погоди!» приоткрывается главнейшее противоречие нововременного просвещенчества и обнаруживается садомазохистский характер последнего (тот же Бэкон писал о власти, осуществляемой через покорность). Просвещение раздираемо стремлениями сладострастно отдаться власти Природы и грубально утвердить над Природой свою власть. Идеи власти Природы и власти над Природой постоянно сталкиваются. Пассионарные порывы просвещенной души толкают эту душу к крайностям на манер маркиза де Сада, который хотел бы вообще уничтожить природу.

Мне возражат: де Сад - исключение, экстремал-экстремист, маргинал и т.д. Но и за общезначимыми примерами далеко ходить не надо. Возьмем, скажем, педагогику, на которой буквально помешаны просвещенцы. Можно сколько угодно твердить, будто главная цель их воспитательных усилий - возврат к естеству, очищение человеческой природы (а через нее и Природы). Но наивно не замечать, что воспитательный процесс есть проявление воли к власти, причем в самых тоталитарно-садистских формах. Вот рассуждения образцового просветителя Руссо: «При самом тщательном воспитании учитель приказывает и воображает, что управляет; в действительности же управляет ребенок. [...] Избежите с вашим воспитанником путь противоположный; пусть он считает себя господином, а на деле вы будьте сами всегда господином. Нет подчинения столь совершенного, как то, которое сохраняет наружный вид свободы; тут поработают самую волю. Разве бедный ребенок, который ничего не знает, ничего не может сделать, ни с чем не знаком, не в вашей власти? Разве вы не располагаете по отношению к нему всем окружающим? Разве вы не властны производить на него какое вам угодно влияние? Разве его занятия, игры, удовольствия, горести не в ваших руках, даже без его ведома? Конечно, он должен делать только то, что хочет; но он должен хотеть только того, чего вы от него хотите; он не должен делать ни одного не предусмотренного вами шага; не должен открывать рта, если вы не знаете, что он скажет» [6, т. 1, с. 129-130].

Воспитатель имитирует здесь пресловутую власть Природы, а имитируя, пытается узурпировать ее. Но не это важно. Важно то, что просвещенная воля к власти направлена в действительности не на ребенка, а через него. Подлинная мишень здесь сама Природа. Истинная цель воспитательного процесса - обработка Природы. И пусть даже утвержда-

ется, будто обработка - всего только очищение. Пусть... Предположим, мы готовы согласиться с подобным утверждением и поверить, что благородный просветитель не имеет никаких скрытых мотивов. Но можем ли мы быть уверены в отсутствии умыслов против Природы у каких-либо иных воспитателей? Ни в коей мере. Ведь тот же Руссо прямо заявляет: просветительское воспитание - скорее не правило, а исключение. Вокруг множество плохих и непросвещенных воспитателей. А плохой и непросвещенный воспитатель не желает ничего знать ни о каком «очищении», и незнание открывает перед ним огромные возможности. Оказывается, он вполне способен насиловать, исказить, извращать Природу, открыто доминировать над ней. Пользуется ли он своими возможностями? Безусловно. У нас не остается никаких сомнений на сей счет, ибо Руссо донес нам на злодея. Конечно, и тут находится прорва оговорок (вернее, отговорок), но главное-то уже высказано: в процессе воспитания воспитатель способен возвыситься над Природой - либо как насильник-извратитель, либо как спаситель-очиститель, спаситель-восстановитель и т.д.

И, наконец, есть проблема самовоспитания. Тут каждый человек наделен большими полномочиями. Человеческая воля свободна и способна выбирать между добром и злом. Применительно к данному случаю это означает, что человек может следовать своей изначально доброй природе, а может извратить и погубить ее: «Преступники, уверяющие, что их вынудили совершить преступление, столько же лживы, сколько злы; как они не видят, что слабость, на которую они жалуются, создание их собственных рук, что их первое развращение происходит по их же воле, что, желая поддаться своим искушениям, они, наконец, поддаются им помимо воли и делают их непреодолимыми! Без сомнения, от них уже не зависит - не быть злыми и слабыми, но от них зависело не делаться такими. О, как легко мы оставались бы владыками над собою и своими страстями, даже в течение этой жизни, если бы, когда привычки наши еще не приобретены, когда ум наш только что начинает раскрываться, мы умели занять его предметами, которые он должен знать, чтобы оценить те, которых не знает, если бы искренно желали просветить себя, не зная того, чтобы блистать в глазах других, но чтобы быть добрыми и мудрыми сообразно со своею природою, чтобы найти свое счастье в исполнении своих обязанностей! Это изучение кажется нам скучным и трудным, потому что мы помышляем о нем тогда, когда уже испорчены пороком, когда предались уже страстям. Мы прочно устанавливаем свои суждения и оценку свою раньше познания добра и зла; а потом, измеряя все по этой ложной мерке, мы ничему не умеем придать настоящей цены» [6, т. 1, с. 350] .

Противоречие стремлений к подчинению Природе и к власти над Природой распространяется у просвещенцев и на область отношений

полов, на восприятие женщины и Женственности. Обращусь вновь к эталонному просветителю Руссо и к эталонному роману воспитания «Эмиль».

У Руссо женщина выступает как воплощение природного начала. Причем дистанция между женщиной и Природой практически отсутствует (почти отсутствует, и это «почти» в данном случае весьма существенно). Мать-Природа оказывается тождественна женщине-матери. Однако тождество все же не является полным и абсолютным (существенное «почти»). Поэтому в женщине Природа может забыть, потерять сама себя. Но именно в кризисные моменты, посреди утраты и потерянности и становится очевидным изначальное единство женщины и Природы. Когда мать забывает свои материнские обязанности (отказывается самолично кормить детей грудью), «естественное потухает в сердцах» [6, т. 1, с. 36] - происходит тотальное сокрытие Природы. Это, так сказать, негативное утверждение тождества женщины и Природы, аргумент от неполноты.

Есть еще и позитивное утверждение - через отношение женщины к воспитанию. Вселенная - упорядоченное целое, в котором каждая вещь имеет свое естественное место. Воспитание есть упорядочивание. Задача воспитания - «указать каждому свое место и укрепить его на нем, упорядочить человеческие страсти сообразно с организацией человека» [6, т. 1, с. 78]. Следовательно, воспитание - необходимый космический процесс, природный процесс *par excellence* и, в силу своей космичности, процесс, тяготеющий над всею человеческой жизнью. Собственно, жизнь и есть воспитание. Поэтому существование человека - это перманентно текучее триединство состояний воспитателя, воспитуемого и самовоспитуемого. Женщина же - наилучший воспитатель, даже когда ошибается. Тут она недвусмысленно противопоставлена мужчине: «Честолюбие, корыстолюбие, тирания, ложная предусмотрительность отцов, равно как их небрежность, жестокая бесчувственность, во сто раз губительнее для детей, чем слепая нежность матери» [6, т. 1, с. 25]. И еще: «Первоначальное воспитание важнее всего, и это первоначальное воспитание бесспорно принадлежит женщинам. Если бы Творец природы хотел, чтобы оно принадлежало мужчинам, он наделил бы их молоком для кормления детей» [6, т. 1, с. 24]. Почему и за что женщине такая честь? Потому что она (в отличие от мужчины) наибольшим и наилучшим образом причастна естественному порядку вещей, на страже которого якобы стоит просвещенческое воспитание.

Кстати, инвектива против человека, искажающего и разрушающего Природу, открывающая первую книгу «Эмиля», несомненно адресована именно мужчинам. Здесь тоже речь идет о воспитании в самом широком смысле слова, о воспитании и перевоспитании самой Природы (между

прочим, истинные цели всякого просвещенческого воспитания выступают тут предельно обнаженно, хотя и против воли автора, желающего сказать совсем другое): «Все выходит хорошим из рук Творца, все вырождается в руках человека. Он принуждает одну почву питать растения, возвращенные на другой, одно дерево приносить плоды, свойственные другому. Он перемешивает и путает климаты, стихии, времена года. Он уродует свою собаку, свою лошадь, своего раба. Он все перевертывает, все искажает, любит безобразия, чудовищное. Он ничего не хочет видеть таким, как создала природа, - не исключая и человека: и человека ему нужно выдрессировать, как лошадь для манежа, нужно переделать на свой лад, как он окорнал дерево в своем саду» [там же]. Это извращенное воспитание, воспитание, утратившее свою природную суть и потому не упорядочивающее, а хаотизирующее (так делают непросвещенные воспитатели, утверждает Руссо, отказываясь признать подобный грех за просвещенцами). Таким образом, мужчина (если он, конечно, не просветитель) причастен антиприродному началу хаоса. Впрочем, тут можно поставить Руссо ловушку и спросить: разве его собственная тоталитарно-садистская метода, поработавшая самую волю воспитуемого, не есть такая же антиприродная дрессура? Руссо безусловно нашел бы множество оправданий, но мы вовсе не обязаны верить ему на слово. Напротив, можно констатировать теснейшее родство просвещенного и непросвещенного воспитателей. Только первый позволяет себе выступать против природы с открытым забралом, а второй стремится вытеснить свои антиприродные поползновения. Первый хаотизирует мир, пытаясь откровенно подменить порядок Природы человеческим порядком, второй выдает человеческий (просвещенческий) порядок за природный, присваивает себе право вещать от имени Природы.

Зато у женщин взаимоотношения с Природой не меняются в зависимости от просвещенности или непросвещенности. Правда, следует отметить, что женщина репрезентирует Природу только в общественном состоянии. В естественном состоянии последняя репрезентирует себя сама. Женщина же на роль полномочной представительницы Природы не пригодна, поскольку здесь нет предпосылок для утверждения женской власти. Такое положение вещей связано с тем, что в природном состоянии в отношениях между полами проявляет себя одно лишь либидо, но не Эрос: «Начнем с того, что отделим в чувстве любви духовное от физического. Физическое - это вообще желание, влекущее один пол к соединению с другим. Духовное - это то, что определяет это желание и направляет его исключительно на один только предмет, или, по меньшей мере, сообщает этому желанию, направленному на этот предпочитаемый предмет, высшую степень напряжения. Таким образом, нетрудно увидеть, что духовная сторона любви - это чувство искусственное,

порожденное жизнью в обществе и превозносимое женщинами с великой ловкостью и старанием, чтобы укрепить свою власть и сделать господствующим тот пол, который должен был бы подчиняться. Чувство это, основывающееся на определенных понятиях о достоинствах и красоте, понятиях, которых у дикаря вообще не может быть, и на сравнениях, которые он вообще не в состоянии делать, должно быть ему почти незнакомо» [7, с. 68].

Но пусть Руссо продолжает свой рассказ по порядку. Итак, мужчина пребывает в весьма сложных отношениях с Природой. Однако не все для него потеряно. Он может и должен заключить договор с Природой через брак, ибо «брак есть столько же договор с природою, сколько и между супругами» [6, т. 1, с. 46]. Правда, договор - отношение общественное, а потому оприродивание мужчины через брак не безоговорочно. Тем не менее, в браке природа мужчины может быть восстановлена через восстановление изначальной человеческой андрогинности. Впрочем, самой идеи истинного андрогинизма в четко артикулированном виде у Руссо нет. Но архетип андрогина определенно маячит в его бессознательном.

Философ определяет природу человека следующим образом: «Мы родимся чувственно восприимчивыми и с самого рождения получаем различными способами впечатления от предметов, нас окружающих. Лишь только мы начинаем сознавать, так сказать, наши ощущения, у нас является расположение или искать вновь, или избегать предметов, производящих эти ощущения, - сначала смотря по тому, насколько приятны нам последствия или неприятны, затем смотря по сходству или несходству, которое мы находим между нами и этими предметами, и, наконец, смотря по суждениям, которые мы о них составляем на основании идеи счастья или совершенства, порождаемой в нас разумом. Эти расположения расширяются и укрепляются по мере того, как мы становимся восприимчивее и просвещеннее; но под давлением наших привычек они более или менее изменяются в зависимости от наших мнений. До этого изменения они и суть то, что я называю в нас природою» [6, т. 1, с. 27]. Итак, природа человека есть взаимодействие, встроенность во всеобщую связь вещей, резонанс с окружающим миром, сродство с ним. Следовательно, природа мужчины может быть восстановлена (а она повреждена в силу того, что связи мужчины с миром носят извращенный характер) через обретение сродства с женщиной, через создание парой «единой нравственной личности» (вот и обозначила свое тайное присутствие идея истинного андрогинизма).

«При единении полов оба они равно содействуют общей цели [...]» [6, т. 1, с. 433]. Цель эта - в продолжении рода. Таким образом осуществляется естественное предназначение женщин, ибо «их предназначение -

производить детей» [6, т. 1, с. 438]. Получается, что цели Природы явлены здесь через женский удел. Но одной женщиной эти цели реализованы быть не могут и нуждаются для реализации в единении полов.

Но помимо главной цели (женской цели, природной цели) существуют и цели частные. Постановка их доверена мужчине: «Разум женщин есть разум практический; он учит их очень искусно находить средства для достижения известной уже цели, но он не учит находить эту цель. Удивительно общественное соотношение полов. Из этого-то соотношения возникает единая нравственная личность, для которой женщина служит глазом, а мужчина рукою, но они в такой зависимости между собою, что от мужчины женщина научится тому, что ей нужно видеть, а от женщины мужчина узнает, что ему нужно делать. Если бы женщина могла так же хорошо восходить к принципам, как и мужчина, а мужчина обладал бы таким же пониманием деталей, как она, то, не будучи никогда друг от друга в зависимости, они жили бы в вечном раздоре и общении между ними не могло бы существовать. Но при той гармонии, которая между ними царствует, все стремится к общей цели, и еще неизвестно, кто больше вносит сюда своего; каждый следует толчку, данному другим; каждый повинуется, и оба являются повелителями» [6, т. 1, с. 458]. Здесь уже включается диалектика господства-подчинения. Но прежде чем говорить о ней, остановлюсь на одном существенном моменте.

Тут становится окончательно ясным, что мужчина олицетворяет общественное начало. Поэтому и цели, за постановку которых он отвечает, есть общественные цели, поэтому и единение полов, хоть и служит Природе, но осуществляется на общественной основе. Именно то, что мужчина является носителем общественного, и делает его профессиональным насильником Природы. Женщина же, напротив, способна восстанавливать естественное даже в обществе и тем обеспечивать правильность (соответствие Природе) общественного порядка. Основа общественной гармонии - надлежащее исполнение женщиной ее материнских обязанностей: «Но пусть только матери снисходят кормить детей своих, нравы преобразуются сами собою, природные чувства пронутся во всех сердцах, государство снова станет заселяться; этот первый шаг - этот шаг один вновь все соединит. Прелесть домашней жизни - лучшее противоядие дурным нравам. Возня детей, которую считают докучливой, становится приятной; она делает отца и мать более необходимыми, более дорогими друг другу; она крепче завязывает между ними супружескую связь. Когда семья оживлена и одушевлена, домашние заботы составляют самое дорогое занятие жены и самое сладкое развлечение мужа. Таким образом, исправление одного этого злоупотребления скоро даст в результате всеобщую реформу, и природа скоро вступит в

свои права. Пусть только женщины снова станут матерями - и мужчины скоро станут опять отцами и мужьями» [6, т. 1, с. 36].

А теперь - вновь о господстве-подчинении. Формально женщина находится в подчинении у мужчины, но на деле ей принадлежит тайная власть. Особенности женской власти вытекают из специфики положения женщины. Мужской пол «должен быть активным и сильным», женский - «пассивным и слабым» [6, т. 1, с. 433]. Поэтому «власть женщины это власть кротости, ловкости и угодливости; ее приказания - это ласки, угрозы ее - слезы. Она должна царить в доме, как министр в государстве, - заставляя давать ей такие повеления, каких ей хочется» [6, т. 1, с. 500]. Но тайная власть не должна становиться явной: «В этом смысле достоверно, что лучшими семьями бывают те, где женщина имеет больше всего влияния; но если она не признает голоса главы, если хочет захватить его права и повелевать сама, то результатом этого беспорядка всегда бывает лишь нищета, скандал и бесчестье» [там же]. Здесь, как и в случае с воспитателем-просветителем, власть повелительницы является имитацией власти Природы. Принципы естественности - почти те же, что и у дасов: «мягкое и слабое побеждает твердое и сильное» и «руководя, не считать себя властелином - вот что называется глубочайшим дэ» [4, т. 1, с. 117, 126]. Существенно также, что власть женщины не повреждает естества подвластного: «[...] она хочет царить над человеком, но так, чтобы не исказить его» [6, т. 1, с. 539].

Власть женщины основывается на использовании либидо: «Если женщина создана для того, чтобы нравиться и быть подчиненной, то она должна сделать себя приятно для мужчины, вместо того чтобы делать ему вызов; мощь ее заключается в ее чарах; ими-то она и должна принуждать его, чтобы он почувал свою силу и воспользовался ею»; «[...] Сильнейший бывает по внешнему виду повелителем, а в действительности зависит от слабейшего, и это не из-за пустого обычая [...] а по неизменному закону природы, которая, давая женщине больше способности возбуждать вожделения, чем мужчине - удовлетворять их, ставит последнего, вопреки его желаниям, в зависимость от доброго расположения первой и принуждает его стремиться, в свою очередь, к тому, чтобы нравиться ей, с целью добиться, чтоб она позволила ему быть сильнейшим»; «[...] Мужчины зависят от женщин через свои вожделения; женщины зависят от мужчин и через вожделения, и через свои потребности [...]» [6, т. 1, с. 433, 435, 441]. Как видим, женщина пробуждает чувственность мужчины и манипулирует ею.

Однако женщина не связана исключительно со сферой чувств и инстинктов. Она также создает фундамент для развития мужского разума и находит практическое применение открытиям и находкам этого разума: «[...] Их дело - применять принципы, которые открыл мужчина, и про-

изводить наблюдения, которые приводят мужчину к установлению этих принципов» [6, т. 1, с. 473]. Кстати, тут становится понятным характерное для просвещенческой эротической литературы отождествление философствования с половым актом. Женское начало - сила, на которую опирается естественный разум. Эта сила либидинозна. Следовательно, приобщение к женской силе через сексуальный контакт есть путь усовершенствования разума. Следовательно, возможно и необходимо практически-эротическое философствование, философия в будуаре.

И что же получается в результате? На первый взгляд господство мужчины полностью фиктивно. Если же рассмотреть ситуацию несколько в ином ракурсе, можно обнаружить определенное разграничение сфер влияния. Мужчина доминирует в общественной сфере (но сама эта сфера вторична и не так важна, как природная семейно-родовая сфера, являющаяся подлинным фундаментом общества) и в сфере чистого разума (практическое применение достижений чистого разума опять же невозможно без женщин). Таким образом, создается впечатление, будто рассуждения Руссо не скрывают в себе никакого бунта против власти Природы, никакой крамолы.

Это, однако, не так. Просто Руссо весьма и весьма осторожен, предпочитает действовать исподволь. Говоря о фиктивном господстве мужчин и истинной власти женщин, он в то же время подчеркивает их взаимозависимость. Вот философ заявляет: «[...] Женщины суть естественные судьи достоинства мужчины. Кто хочет быть презираемым женщинами? Никто в мире, даже и тот, кто не хочет уже любить их» [6, т. 1, с. 478]. Но затем возникает мотив взаимности: «Женщины суть естественные судьи достоинств мужчин, подобно тому как эти последние являются судьями достоинств женщины: это их взаимное право; и те и другие хорошо это знают [...]» [6, т. 1, с. 487]. Тут уже происходит некоторое уравнивание мужчины и женщины.

Дальше еще интересней. Вот Софи безжалостно тиранит Эмиля: «[...] Софи [...] соблаговолила открыто принять на себя власть любимой женщины, стала предписывать ему, что он должен делать, командовать им вместо того, чтобы просить, благосклонно принимать вместо того, чтобы благодарить, устанавливая число и время посещений, запрещать ему до такового-то дня приходить или по истечении такового-то часа оставаться. Все это делается не шутя, но очень серьезно; и если она с трудом согласилась принять эти права, зато она пользуется ими с такою суровостью, которая доводит часто бедного Эмиля до сожаления о том, что он дал их. Но что бы она ни приказывала, он не возражает; и часто, уезжая из послушания, он смотрит на меня взорами, полными радости, которые говорят мне: “Вы видите, как она завладела мною”. Между тем гордая девушка исподтишка наблюдает за ним и втайне подсмеивается над гордостью своего раба» [6, т. 1, с. 521].

Господство женщины-Природы отдает здесь откровенным садизмом, мужчина же предстает как смиренный и счастливый мазохист. В этом пассаже важны два мотива - мотив мазохистского счастья и мотив добровольной передачи власти. Женщина властвует не потому, что таков порядок вещей, а потому, что ее власти хочет мужчина - из эвдемонических соображений.

И тут в дело вновь вступает пресловутая педагогика. Мужчина и женщина опять меняются местами: «[...] Влюбленному позволительно быть руководителем своей повелительницы. [...] Как идолопоклонник обогащает ценными для него сокровищами предмет своего поклонения и разукрашивает на алтаре бога, которому поклоняется, точно так и влюбленный, хотя и видит в своей возлюбленной совершенство, все-таки стремится беспрестанно наделять ее новыми и новыми украшениями. [...] Эмиль спешит обучить Софи всему, что сам знает, не справляясь, по вкусу ли ей и пригодно ли ей то, чему он хочет ее научить» [6, т. 1, с. 522]. Теперь уже власть женщины оказывается фиктивной. Женщина превращается в материал в руках коварного педагога, который ловко и умело навязывает ей свою волю. Характерно, что педагог берет на вооружение женскую стратегию: побеждает слабостью и покорностью. Природу нужно бить ее же оружием. И мужчина усвоил тайну власти природного начала: «Чтобы нечто у кого-то отнять, нужно прежде дать ему» [4, т. 1, с. 125-126].

Но новая власть мужчины окрашена в специфические тона. Мазохизм по-прежнему правит бал. И господство мужчины - это господство мазохиста, воспитывающего своего палача: стратегия, описанная Делезом [3, с. 218]. Доводя эту стратегию до логического завершения, Руссо показывает нам ту идеальную позицию, которую должен занимать выискующий тайного господства просветитель перед лицом женщины-Природы: « Как доволен Эмиль, когда может добиться того, чтобы давать уроки - на коленях перед нею!» [6, т. 1, с. 523].

Руссо со своим коленопреклоненным педагогом-мазохистом - это один полюс просвещенчества. Другой полюс - это, конечно же, де Сад. Де Сад - Руссо наизнанку. Мечтая разрушить Природу, он безжалостно разрушает женщину. Но разрушение и господство не приносят маркизу радости. Внутренне Сад словно бы ощущает некое сиротство, лишенность материнской опеки. Из переживания сиротства рождается попятное движение. Сад бессознательно желает вернуться под крыло Матери-Природы. Поэтому преступления против женщин должны у него непременно получить санкцию женщины. Таким образом, мятеж Сада оказывается чем-то вроде польского рокоша - восстанием, сакционированным законом (в данном случае - правом Природы, естественным правом).

Впрочем, Руссо - на тот случай, если его прикровенный бунт слишком явно обнаружит себя, - тоже готовит почву для самооправдания и пытается узаконить мятеж. Коль скоро человечество уже вышло из естественного состояния, ему следует бестрепетно утвердиться в неприродности. Таков закон Природы. «Выходя из естественного состояния, мы этим самым принуждаем и ближних своих к тому же; никто не может пребывать в нем наперекор другим; желать оставаться в нем, при невозможности это сделать, - это все равно, что выйти из него; ибо первый закон природы - это закон самосохранения» [6, т. 1, с. 224]. Руссо проговаривается и выдает важнейшую тайну. Если нельзя оставаться в естественном состоянии, когда его уже сменило состояние общественное, значит, все «очищения» и «возвраты» - это всего лишь стратегии тайного подчинения Природы. Да и как вернуться к «естеству», как очистить его, если само это «естество» уже обкорнано, если от него осталось лишь то, что не разрушает общественного состояния, не противоречит ему, - скудный набор инстинктов, главный из которых - инстинкт самосохранения? В итоге инстинкт самосохранения становится силой, с помощью которой природное можно обратить против самого себя. Природа велит человеку воевать с ней. Мятеж - это рокош...

Играя в игры власти между собой и с Природой, мужчины и женщины ничтожат (в хайдеггеровском смысле) друг друга и Природу в качестве возможных центров силы. Поэтому в рамках классической просвещенческой парадигмы невозможны ни власть Природы, ни власть человека, ни власть мужчины, ни власть женщины. Все они по очереди исполняют обязанности властвующих (и все они временно исполняющие обязанности): человек властвует над Природой / покоряется Природе, Природа властвует над человеком / покоряется человеку, женщина властвует над мужчиной / покоряется мужчине, мужчина властвует над женщиной / покоряется женщине. В результате реально возможной оказывается только власть чистого разума (или правильной - Чистого Разума), освободившегося от всех эмпирических носителей и торжествующей победу над Природой, человеком, полом и гендером.

Противоречие между стремлением к власти над Природой и стремлением к подчинению Природе было передано классическим Просвещением постклассическому и продолжало воспроизводиться вплоть до эпохи постмодерна. Постмодерн же внес свои коррективы.

Нововременное Просвещение было мужским по сути и духу. Когда возникла разновидность просвещенчества, связанная с движением за права женщин, она тоже первоначально была совершенно мужской. Женскому Просвещению еще только предстояло появиться и именно в эпоху постмодерна. Но дело не только в этом. Постмодерн начал работать в двух направлениях: в направлении трансформации классической

просвещенческой парадигмы и в направлении ее радикальной деконструкции.

Примером простой трансформации может служить роман Э. Арсан «Эммануэль» (первый в серии). Героиня романа - естественная женщина, в душе которой горит свет естественного разума. Она, однако, ощущает свое несовершенство и желает обрести нечто, что помогло бы ей «стать настоящей женщиной» [2, с. 40]. Словом, она взыскует просвещения. И просветитель находится. В полном соответствии с требованиями парадигмы - мужчина (строго говоря, в рамках классической просвещенческой парадигмы - в роли просветителя может выступать и женщина - особенно в эротическом романе, - но это не является правилом; правило гласит: просветитель должен быть мужчиной). Как и положено, Эммануэль становится материалом в его руках. Но - первое отличие от классики! - педагог уже не таится, не скрывает своей тоталитарности, хотя и не прочь порассуждать о свободе.

Второе новшество заключается в том, что хотя учитель Марио и вещает от имени разума, но это не естественный разум (времена изменились, и разум уже вообще не может считаться чем-то естественным), это - разум, противостоящий Природе. Необходимость борьбы с Природой и победы над ней провозглашена в романе открыто, в полный голос.

Мировоззрение Марио базируется на триаде «разум - эротика - красота». Разум - продукт прогресса, результат длительного самовоспитания человечества. Красота - поэтическая выдумка человека. Поэтому она - «не естественный порядок, а его противоположность» [2, с. 108]. Эротика же - «победа мечты над природой, высшее убежище поэтического духа, потому что отрицает невозможное» [там же].

Марио поясняет противоприродность эротика на конкретных примерах: «Плотские взаимоотношения между женщинами полный биологический абсурд. Они невозможны. Эротика, однако, превращает этот плод воображения в реальность. Содомия бросает вызов природе, поэтому эротика практикует ее. Заниматься любовью впятером противоестествен, поэтому эротика изобретает, предписывает и осуществляет это. И каждая ее победа красива» [2, с. 108].

Идя по пути эротика, следует подчинить чувства уму, а любовь к конкретному человеку (даже к самому себе) заменить абстрактной любовью к красоте. И все это для того, чтобы не допустить в эротику хоть что-нибудь природное: «Нет эротика там, где сексуальное удовольствие - импульс, привычка или долг, там, где обычный ответ на биологические инстинкты, скорее физическое, чем эстетическое, желание, поиск удовольствия чувств больше, чем удовольствия ума, любовь к себе или любовь к другому, а не любовь к красоте. Иными словами, нет эротика там, где есть природа. Эротика, как каждая мораль, - это усилие челове-

ка противостоять природе, преодолевать и возвышать ее. Вы же знаете, что человек есть человек настолько, насколько успевает превратить себя в денатурированное животное и, чем больше отделяется от природы, тем больше становится человеком. Эротика - самый человеческий талант людей, противоположность любви, противоположность природе» [2, с. 109-110].

Идя по пути эротики, необходимо сломать собственное естество. И Марио делает это, из идейных соображений превращая себя из гетеросексуала гомосексуалиста:

«- Любовь с мальчиком всегда будет иметь для мужчины нечто такое, что женщины имеют только по исключению, - сказал он, - нечто ненормальное. Другими словами, это соответствует дефиниции о произведении искусства [...] Для меня любить мальчика эротично именно потому, что, как справедливо говорят дураки, это против природы.

- А вы уверены, что это не просто ваша природа?

- Уверен! - сказал Марио. - Я люблю женщин. Долгое время не допускал мысли лечь с мужчиной. Но я пересилил себя» [2, с. 158].

Эротика тоталитарна. Это ее качество лучше всего обнаруживается тогда, когда Марио описывает сексуальное воспитание детей в племени мурия - воспитание, основанное на принуждении и убивающее в воспитуемых нормальные человеческие чувства: «Закон» строго запрещает длительную привязанность между девочкой и мальчиком. Никто не имеет права сказать, что та или другая девочка его [...] наказывают того, кто проводит с некоторой из них более трех ночей подряд. Все организовано так, чтобы помешать сильной привязанности, и таким образом исключается ревность. [...] У мурия самое страшное прегрешение не кража, не убийство - они у них не существуют - а ревность» [2, с. 119].

Описание нравов мурия представляет собой завуалированную полемику с просвещенческой концепцией «естественного человека - благородного дикаря». Читателю предъявляется здесь «противоестественный благородный дикарь». Эммануэль пытается возражать Марио, утверждая врожденность и природность сексуальной морали мурия. Но Марио решительно отменяет ее возражения. Для него мурия - люди, создавшие самих себя, победившие Природу» [2, с. 120].

Для чего же нужно воевать с Природой? Чтобы сделать человека подлинным властелином вселенной, неподвластным ее законам: «Переделать человека! Спасти его от материи, чтобы сделать его свободным создавать свои собственные законы [...]» [2, с. 111]. Эволюция человека должна быть продолжена. И на новом витке ее движущей силой становится эротика. Следующая ступень в развитии вида *Homo sapiens* - человек эротический: «Он будет выше, чем человек, и все же останется человеком. Только более развитым, стоящим на более высокой ступени

эволюции. Я сейчас напомнил вам, что именно появление искусства на стенах пещер позволило узнать момент, когда первый человек начал отличаться от последней обезьяны. Близится день, когда точно так же, как искусство отделило человека от животного, эротические ценности отделят торжествующего человека от стеснительного человека, который укрылся в углах нашего общества, пряча свою наготу и карая свой пол» [2, с. 115].

Рождение человека эротического будет сопровождаться появлением нового искусства и новой этики: «Единственное искусство, которое подходит человеку космоса, единственное, которое может отвести его дальше звезд, как когда-то фигурки из охры и сажи открыли к будущему стены пещер, - это эротика»; «Добро для него то, что его радует, зло - то, что заставляет страдать. Совершенно просто. Вот его добро и его зло. Это его мораль. Добро то, что красиво, то, что соблазняет, возбуждает. Зло - то, что некрасиво, что наводит скуку, ограничивает и обманывает» [2, с. 111, 117].

Вполне в духе XVIII века Марио постоянно отождествляет прогресс этики с прогрессом разума. Разум тесно связан с эротикой и красотой. В конце концов разум, красота и эротика спасут человека от смерти: «Мы умираем из-за незнания и уродства. Смерть - это оцепенение знания. [...] Бесконечная экспансия интеллекта - асимптота смерти. Следовательно, наше будущее - бесконечность» [2, с. 116]. Таким образом, человек эротический, победив смерть, станет истинно богоподобен.

Достижение всех этих великих целей невозможно без истинного просвещения женщины, без превращения ее из естественного существа в произведение искусства. Такое просвещение - забота и работа мужчины. Женщина - материал. Но в то же время она не может оставаться только материалом. Она должна стать соратницей мужчины. Каждая женщина, ступившая на путь просвещения, обязана почувствовать себя Невестой Мира: «Завтрашний день планеты будет таким, каким сделает его сила открытия вашего тела. Если случится так, что ваша мечта померкнет и ваши крылья переломятся, если несчастье захочет, чтобы ваше любопытство устало, чтобы ваша проницательность и постоянство переломились, и ваша воля открывать и обновлять пошатнется, это будет конец надеждам и шансам людей: будущее будет всегда похоже на прошлое. [...] Способность любить делает из вас невесту мира. Так что судьба всех зависит всецело от вашей страсти и вашей храбрости. И если вы откажетесь завоевать одного только мужчину или только одну женщину, о любовница-невеста, этого будет достаточно, чтобы их род отказался завоевывать световые годы туманности» [2, с. 161].

Итак, женщина важна. Очень важна. От нее зависят судьбы человечества и исход эволюции. Однако в целом просвещенческая модель,

предлагаемая Арсан, остается вполне мужской. Впрочем, постмодерн породил и феминистическое Просвещение, женское Просвещение.

Последнее унаследовало от предшествующих веков коллизию женщины-властвующей-и-подвластной. Коллизия эта нашла яркое выражение в пресловутом «синдроме жертвы», который начало формировать у женщин феминистское просвещенчество. «Культура отнесения себя к жертвам строится на основе строжайшего манихеизма: всякий мужчина - потенциальный насильник и преследователь; всякая женщина - жертва притеснений» [5, с. 103]. Однако такая позиция сформирована определенной стратегией власти. Цель ее - путем силового давления переделать мужчин. Как верно замечает Жиль Липовецкий, «что в действительности олицетворяет собой феминизм с синдромом жертвы, если не более настоятельное требование прав личности, помноженное на подкрепленное реальным действием стремление преобразовать обычаи и законы, привить мужчинам необходимые положительные качества или же воспитать их по-новому, изменить все - вплоть до поступков мужчин, вплоть до их страстей?» [5, с. 109]. Теперь мужчина делается материалом, подвергаемым безжалостной насильственной обработке.

Однако отныне коллизия «женщина подвластная / женщина властвующая» начинает терять связь с коллизией «власть Природы / власть над Природой». Логика ясна: поскольку ситуация перевернута и женщина заняла то место, которое раньше занимал мужчина-просветитель, сохранение классической просвещенческой парадигмы в целостности и неприкосновенности требует признания мужчины природным началом, а отсюда уже недалеко и до признания мужского порядка естественным. Но последнее - как раз то, что утверждает враг. Если же сохранить представление о женщине как о природном существе, то это и вовсе возврат к проклятому прошлому. Следовательно, нужно деконструировать парадигму и вообще изгнать из нее Природу.

Подчеркну: речь идет уже не о власти над Природой, а именно об изгнании Природы. Пример: феминистская критика современного идеала красоты и связанных с ним техник усовершенствования внешности. По определению Липовецкого, «основанием для бума красоты служит [...] распространение основополагающих для современной культуры личности идеалов господства над миром и суверенной власти над собой» [5, с. 205]. Феминистки же видят в нем лишь «последний способ возрождения патриархальной иерархии полов» [5, с. 196]. В чем тут дело? В паранойе? Безусловно. Но не только. Подлинный мотив здесь скрыт и, возможно, не осознается. Власть над Природой (в данном случае - над собственной плотью) это и неразрывная связь с Природой. А именно эту связь феминистки и пытаются разорвать. Поэтому бескомпромиссно отрицается все, что могло бы ее укрепить.

Впрочем, простого отрицания недостаточно. Гендерная теория последовательно отменяет Природу, подменяет ее различными социальными, культурными, языковыми конструктами. Поскольку женщина больше не природное существо, у нее нет никаких естественных атрибутов.

Материнство? Нэнси Чодороу заявляет: «Несмотря на очевидную тесную связь между способностями женщин к вынашиванию ребенка и кормлению, с одной стороны, и их обязанностями по уходу за ребенком - с другой, а также на доисторическое и, вероятно, необходимое для выживания удобство полового разделения труда, при котором женщины были матерями, биология и инстинкт не дают адекватных объяснений тому, как женщины приходят к материнству» [1, с. 68]. Невозможно отрицать, что в природе самки млекопитающих рожают детенышей, вскармливают их молоком и заботятся о них. Трудно оспорить и принадлежность Номо зарієпз'а к млекопитающим. Поэтому приходится признать «тесную связь» материнства с природным порядком. Но так ли уж ко многому обязывает такое признание, если можно максимально отдалить материнство от природного порядка? И Чодороу пользуется открывшейся возможностью. С помощью психоанализа она производит отдаление и отделение материнства от природы (здесь речь идет всего лишь о природе с маленькой буквы, ибо о Природе феминизм вообще ничего знать не желает). Чодороу категорически не нравится «телеологическое допущение» Фрейда, «что анатомия - это судьба и что женская судьба включает первичное родительство» [1, с. 69]. Место «анатомии» у нее занимает довольно сомнительная психологическая конструкция (нет, сама по себе психология штука значимая, бесспорная штука, но вместо анатомии и физиологии...): «В результате того, что их воспитывала женщина, женщины больше, чем мужчины, стремятся к материнству, т.е. к перемещению себя в первичную связь мать-ребенок, получению удовлетворения от материнства и обладанию психологическими возможностями для него» [1, с. 70]. Словом, занято. Но половинчато. Можно было бы предложить допущение, согласно которому женщина в период беременности бывает «матерински» настроена с разной степенью интенсивности. И в зависимости от степени интенсивности материнского настроения формируется пол ребенка: больше материнских чувств - девочка, меньше - мальчик (есть, конечно, генетика, но генетика - это природа, а природа - всего лишь майя).

Проблема аборт? Здесь техника дистанцирования от природы по-настоящему виртуозна. Собственно, тут дистанцирование уже переходит в систему подмен. Розалинд Печески умудряется подменить реальный эмбрион его виртуальным образом. Женщин, решающихся на аборт, обвиняют в детоубийстве? Запугивают их фильмом, демонстри-

рующим, как происходит уничтожение зародыша? Так ведь никакого зародыша нет: «С поразительным мастерством статические и уже застывшие ультразвуковые образы зародыша превращены в “дитя”, существующее в реальном времени [...] На сегодняшний день свернутый калачиком профиль с большой головой и похожими на плавники ручками, плавающий в формальдегиде, стал уже настолько привычным, что даже самые ярые феминистки не сомневаются в его реальности [.] Тем не менее этот прототипический образ эмбриона олицетворяет собой искажение действительности, свойственное любой фотографии - разделение реальности на мелкие фрагменты, вырванные из исторического и социального контекста. [...] С этой точки зрения любой образ эмбриона, даже на экране УЗИ, - это нечто искусственное, фетиш, отражающий позицию не самого эмбриона или беременной женщины, а стороннего наблюдателя» [1, с. 148-149]. Проблема полностью переводится в область семиотики: «Быть может, аборт, а вместе с ним и эмбрион выступают как пустое означающее, несущее сразу целый ряд значений» [1, с. 151]. И аборт, и эмбрион превращены здесь в знаки некой неведомой реальности, недоступной нашему восприятию. При этом остается открытым вопрос о возможной пустоте знаков, об иллюзорности будто бы стоящей за ними реальности (иллюзорность ее даже более вероятна, чем ее непреложная действительность).

Сексуальность? Гейл Рубин предпринимает специальное антропологическое расследование и устанавливает, что сексуальность - продукт социального конструирования. Обращаясь к первобытности, она показывает зависимость сексуальности от систем родства. Здесь продельвается уже знакомая операция дистанцирования. Да, в природе что-то такое сексуальное происходит и человеческая сексуальность как-то с этим связана, но опосредовано. «Гендер - разделение по половому признаку, обусловленное социально. Это продукт социальных отношений в области сексуальности. Системы родства основываются на браке. Тем самым они превращают “самцов” и “самок” в “мужчин” и “женщин”, каждый из которых неполон без своей “половинки”» [1, с. 109]. Дальше Рубин объясняет, как системы родства формируют сексуальный объект и нацеливают на него влечение: «Например, в некоторых брачных системах есть правило обязательных браков между двоюродными братьями и сестрами с разных сторон. Человек в данной системе не просто гетеросексуален, а “кузеносексуален”. Если правило брака дальше требует брака между материнскими кузенами, то мы получим варианты, при которых мужчина будет “матери-брат-дочь-сексуал”, а женщина - “отца-сестры-сын-сексуал”. С другой стороны, сама сложность системы родства может привести к определенным формам институализированного гомосексуализма. [...] Среди народа Азанди женщины монополизируются

более взрослыми мужчинами, и более молодым приходится “брать в жены” мальчиков, что продолжается до тех пор, пока не придет время взять в жены женщину. [...] В Дагомее женщина может стать мужем, если обладает необходимым приданым [...]» [1, с. 110-111]. Таким образом, «самцы» и «самки» - это природа, но «мужчины» и «женщины» - уже культура. Последние утратили связь с «естеством» и ведомы культурными императивами, определяющими даже пол их сексуальных партнеров.

Такова теория. На практике же наблюдается стремление вытеснить из сексуальных отношений все естественное, сделать эти отношения сугубо общественными, договорными. Липовецкий замечает: «Точно так же как договорной порядок формирует в Соединенных Штатах политическое устройство и трудовые отношения, он [...] захватывает теперь и отношения между мужчинами и женщинами» [5, с. 130]. И приводит весьма характерный пример: «Осень 1993 года: студенты Антиохского колледжа в Огайо принимают хартию, требующую, чтобы любым сексуальным контактам между мужчиной и женщиной предшествовало словесное разрешение и чтобы каждый новый шаг в интимных отношениях обязательно был одобрен женщиной. Если юноша захочет поцеловать девушку, снять с нее блузку, ласкать ей грудь, то он должен предварительно спросить у нее разрешения и перед тем, как приступить к действиям, дождаться ее согласия» [там же]. Комментарии тут излишни.

Любовь? Рэндал Коллинз выводит ее из отношений собственности: «В нашем обществе брак - это соглашение об исключительном праве на сексуальные отношения между двумя партнерами. В социальном смысле, партнеры обмениваются между собой своими телами как сексуальной собственностью» [1, с. 119]. Любовь рождается из договорных отношений: «[...] любовь естественным образом возникает в процессе переговоров, которые люди должны провести, чтобы найти сексуального партнера в ситуации свободного индивидуального торга» [1, с. 123]. И далее: «Я полагаю, что сам процесс “переговоров” ведет к возникновению сильных эмоций, и эти чувства напряжения и возбуждения, превращаясь, наконец, в сильную привязанность друг к другу, и приводят к любви» [1, с. 124]. Сексуальные отношения являются элементами переговорного процесса, встроены в него и имеют символическое значение: «Последовательность актов физической близости представляет собой скорее ритуал, при помощи которого мужчина и женщина показывают, насколько они привязаны друг к другу. В целом они торгуются о заключении связи посредством различных последовательных шагов, которые символизируют их временный характер и возможность прекращения отношений. Ко времени, когда переговоры переходят к полному сексуальному контакту, пара обычно берет на себя обязательства по отношению

друг к другу, которые подразумевают сексуальную исключительность; все это сопровождается чувством любви» [1, с. 125]. Момент плотского наслаждения объявляется несущественным, а то и вовсе несуществующим.

В конечном итоге гендерная теория приходит к необходимости ликвидации пола. Джудит Батлер заявляет: «[...] представляется невозможным вычленив “пол” из переплетающихся политических и культурных напластований, в которых он неизменно производится и поддерживается» [1, с. 302]. Она решительно разрывает связь между полом и гендером, и этот разрыв убивает пол: «Если гендер представляет собой культурные значения, которые присваивает себе тело определенного пола, то это лишает нас права утверждать, что он каким-то образом происходит от пола. Доведенное до своего логического предела, различие пол / гендер означает радикальный разрыв между телами, обладающими признаками пола, и культурно сконструированными гендерами. [...] Когда сконструированный статус гендера рассматривается как полностью независимый от пола, пол в свою очередь становится неопределенным искусственным изобретением, в результате чего оказывается, что понятия *мужчина* и *мужское* могут легко означать как женское тело, так и мужское и наоборот» [1, с. 306].

Затем выясняется, что именно гендер и создает пол: «Если опровергается незыблемый характер пола, то возможно, что конструкт, именуемый “полом”, так же культурно обусловлен, как и гендер; на самом деле, возможно, он всегда уже был гендером, и, следовательно, разграничение между ними оказывается бессмысленным. В таком случае, не имеет никакого смысла определять гендер как культурную интерпретацию пола, если сам пол является гендерно структурированным понятием. Гендер не следовало бы понимать просто как культурное наслоение значения на биологически предзаданный пол (юридическое толкование); он должен также указывать на аппарат производства, посредством которого были созданы оба пола. В итоге гендер не относится к культуре так же, как пол относится к природе; он принадлежит также к дискурсивным / культурным средствам, при помощи которых производится и учреждается “сексуальная природа” или “естественный пол” как “дидискурсивный”, предшествующий культуре, политически нейтральный фон, на котором действует культура» [1, с. 307].

После магического исчезновения пола так и хочется воскликнуть вслед за Воландом: «Ну, уж это положительно интересно. что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет!» Однако пропажа пола - еще не последняя пропажа.

Моника Виттиг требует уничтожить пол, «чтобы женщина смогла присвоить себе статус универсального субъекта» [1, с. 322]. В качестве

«универсального субъекта», присваивающего себе «равно и частную, и всеобщую точку зрения» [там же], женщина оказывается в позиции почти трансцендентного стояния-над. Иначе говоря, женщина водружается (водружает себя) на то самое место, которое в классической просвещенческой парадигме занимал Чистый Разум (если быть совсем точным, на месте Чистого Разума оказывается лесбиянка, репрезентирующая «третий гендер»). Но ежели вспомнить, что для Симоны де Бовуар женщина была «отсутствием», возникает вопрос: не заняло ли место Чистого Разума Ничто? Такая эскалация процесса ничтожения показывает, что просвещенческая парадигма истошила себя в феминизме, ибо доминирование Разума для нее условие *sine qua non*. Таким образом, феминистическое Просвещение можно квалифицировать как предел развития просвещенчества, как грань, на которой и за которой начинается его самоизживание. Впрочем, то, что Просвещение установило собственный предел, отнюдь не означает его конца. А самоизживание и фатальные трансформации тех разновидностей просвещенчества, которые рискнули шагнуть за грань, не означает изжитости просвещенческой парадигмы (просвещенческой парадигмы вообще и ее классической разновидности в частности).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антология гендерной теории*. - Мн.: Пропилеи, 2000, 384 с.
2. **Арсан Э.** *Эммануэле*. - К.: РИФ «Дзвін», 1992, 175 с.
3. **Делез Ж.** *Представление Захер-Мазоха (Холодное и Жестокое) // Делез Ж. Венера в мехах*. - М.: РИК «Культура», 1992, С. 189-313.
4. *Древнекитайская философия: Собрание текстов в двух томах*. - М.: Мысль, 1972-1973.
5. **Липовецкий Ж.** *Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности*. - СПб.: Алетейя, 2003, 512 с.
6. **Руссо Ж.-Ж.** *Педагогические сочинения: В 2-х т.* - М.: Педагогика, 1981.
7. **Руссо Ж.-Ж.** *Трактаты*. - М.: Наука, 1969, 703 с.
8. **Слотердаик П.** *Критика циничного розуму*. - К.: Тандем, 2002, 544 с.
9. **Спиноза Б.** *Избранные произведения*. - Р/Д: Феникс, 1998, 608 с.

Статтю підготовлено в межах виконання НДР «Модерне мислення: універсалізм і стратегії порозуміння», підтримуваної Фондом фундаментальних досліджень Міністерства освіти і науки України.